

МУХИН А. М.

ВАЛЕНТНОСТЬ И СОЧЕТАЕМОСТЬ ГЛАГОЛОВ

В последние десятилетия при исследовании структуры предложений внимание языковедов все более концентрируется на глаголе, особенно его личных формах, которым фактически отводится роль структурного центра предложения. На этой основе в лингвистике возникло и получило довольно широкое распространение понятие валентности глагола, истолкование которого, однако, наталкивается на целый ряд трудностей¹.

В частности, нельзя пройти мимо следующих принципиальных неясностей, связанных с трактовкой глагола как структурного центра предложения. Во-первых, глаголы в их личных и неличных формах не относятся к числу синтаксических единиц, получаемых в результате членения предложений на основе их внутренних синтаксических связей, подобно тому как не являются синтаксическими единицами и существительные в их различных формах или прилагательные. Во-вторых, далеко не каждое предложение, например, в английском или русском языках, содержит в себе глагол, который можно было бы изучать со стороны его валентности. В-третьих, кроме валентностных характеристик, устанавливаемых в предложениях, глаголы обладают еще специфически лексической сочетаемостью, которая отражается в словарях и без учета которой часто нельзя понять значения глагола. Из указанных трех принципиальных положений, имеющих отношение к изучению роли глагола в предложении, в настоящей статье мы сосредоточим внимание главным образом на последнем положении, которое предполагает разграничение единиц лексического и синтаксического уровней языка, обладающих соответственно лексической или синтаксической семантикой.

Последовательное изучение тех и других единиц в их системных отношениях и с учетом их взаимодействия имеет несомненную значимость для сопоставительного исследования языков. Сочетаемость как дистрибутивная особенность глагола, в которой проявляется его лексическая семантика, устанавливается по отношению к единицам того же уровня, т. е. речь может идти о сочетаемости глагольных лексем с другими лексическими единицами, в частности и в особенности с субстантивными лексемами, причем такая сочетаемость может осуществляться с помощью

¹ Под валентностью глагола обычно понимается количество дополнений, которыми он управляет. См. об этом, например, в одной из позднейших работ Г. Сомерса [1], где достаточно полно показаны трудности и неопределенности, возникающие в этой области исследований при разграничении дополнений (complements) и адьюнктов (adjuncts), а также разнообразие используемой терминологии и методов. В настоящей статье нет возможности осветить литературу, весьма значительную, посвященную проблеме валентности глагола. Свою задачу автор усматривает в обосновании понятий, внесенных в название статьи, в рамках общей проблемы уровней языка (с учетом специфики лексических и синтаксических единиц, существующих между теми или другими связями и отношений и т. д.).

служебных элементов или без них ². Существенно также заметить, что изучение сочетаемости глагольных лексем неизбежно приводит к различию среди них, с одной стороны, переходных глаголов, определяемых по их способности к предложному или беспредложному управлению, а с другой — непереходных глаголов, лишенных этой способности. Например, английские глаголы *wait* «ждать», *look (for)* «искать» являются переходными, точнее однопереходными, и как таковые они управляют посредством предлога *for*: *to wait for a chance, to wait for news, to look for a book* и т. д. Однопереходным же является и глагол *love* «любить», которому свойственно беспредложное управление: *to love one's parents, to love one's country, to love finance* и т. д. В русском языке указанным трем английским глаголам соответствуют однопереходные глаголы, управляющие без помощи предлога, соответственно, родительным или винительным падежом: *ожидать случая, ожидать известия; искать книгу; любить родителей, любить родную страну* и т. д. Наличие у каждого переходного глагола совершенно определенного управления позволяет исследователю строить знаковые модели, подобные следующим [буква С (лат. complementum) обозначает лексему-дополнение, которая в русском языке имеет показатель падежа — родительного (C_г) или винительного (C_в)] ³: V_{tr} + *for* + С (*to wait for a chance; to look for a book* и т. п.), V_{tr} + С (*to love one's parents* и т. п.), V_{tr} + C_г (*ожидать случая* и т. п.), V_{tr} + C_в (*искать книгу; любить родителей* и т. п.).

Такое истолкование переходных глаголов через управление, предложное или беспредложное, обретает опору в лексикографической практике, причем независимо от принятого в словарях традиционного понимания переходности (наличие управляемого винительного падежа в русском языке или беспредложного дополнения в английском). Дело в том, что если глагол действительно является переходным, т. е. способным к управлению, предложному или беспредложному, то более или менее полные словари, как правило, отражают особенности присущего данному глаголу управления: указывают предлог, посредством которого осуществляется управление этого переходного глагола, а также падеж управляемого имени, будь то родительный или винительный, или дательный, или творительный, как в русском языке [4] ⁴. В случае же непереходного

² Соответственно и в самом определении лексемы должна получить отражение сочетаемость с лексическими единицами того же рода, как ее дистрибутивная особенность, общая для различных форм — вариантов данной лексемы. Например, *лексема* определяется как элементарная лексическая единица, принадлежащая к определенной части речи и обладающая лексической семантикой, которая проявляется в ее сочетаемости с другими лексемами [2].

³ Мы используем здесь сложный термин «лексема-дополнение» (или «комплементарная лексема»), чтобы подчеркнуть тот факт, что речь идет именно о лексемах в составе конструкций (глагольных словосочетаний или фраз), возникающих на основе предложного или беспредложного управления. Поэтому в моделях таких конструкций предлог как средство управления представлен отдельно. В предложениях же предлог образует неделимое сочетание с существительным или местоимением, которое служит средством выражения синтаксемы — элементарной синтаксической единицы, обладающей синтаксической семантикой [3].

⁴ Если же за переходный принимается только глагол, управляющий винительным падежом (без предлога), теоретическое истолкование переходности лишается опоры в лексикографической практике. При этом возникают трудности и несоответствия, подобные следующим: переходные глаголы рассматриваются в разделе морфологии (хотя в их морфологической структуре в целом нет ничего специфического, что отличало бы их от непереходных глаголов), управление же, включая управление винительным падежом, на основании которого они собственно и отграничиваются от непереходных глаголов, трактуется в разделе синтаксиса [5, 6].

глагола в словарях нельзя найти указания на какой-либо предлог, характерный для этого глагола, не указывается также падежная форма существительного или местоимения, с которой сочетается глагол. И это естественно, т. к. непереходный глагол лишен способности к управлению, его лексическая семантика не обуславливает употребления именно данного предлога или данной падежной формы. Поэтому, между прочим, часто становится возможным отграничить переходный глагол от непереходного с помощью экспериментов, сводящихся к замене предлога или падежной формы имени при глаголе: при наличии управления такая замена не допускается (если только переходному глаголу не свойственно вариативное управление), тогда как непереходный глагол обычно допускает замену предложного сочетания другими сочетаниями этого рода. Так, предложное сочетание *on the table* при непереходном глаголе в предложении *The book is lying on the table* может быть заменено сочетаниями *in the table*, *under the table*, *near the table*, *beside the table*, *above the table* и т. п. [7, с. 149—150] (ср. также в русском языке: *Книга лежит на столе* → . . . *под столом* → . . . *возле стола* → . . . *над столом* и т. п.). В предложении же с переходным глаголом *This depends on you* предлог *on* не поддается замене другими предлогами, за исключением *upon* (ср. также невозможность замены предлога в сочетании с местоимением в соответствующем русском предложении: *Это зависит от вас*).

Отграничение переходных глаголов от непереходных, не способных к управлению, является необходимой предпосылкой для изучения их сочетаемости, т. к. лексическая семантика переходных глаголов обычно достаточно полно раскрывается в их сочетаниях с управляемыми элементами, т. е. с дополнениями, или лексемами-дополнениями (обозначаемыми буквой С в моделях управления, подобных приведенным выше). На этой основе, а именно с учетом как лексической семантики, так и сочетаемости переходных глаголов, обладающих одним и тем же управлением, производится выделение лексико-семантических групп этих глаголов.

Группы различаются и среди глаголов с общим для них управлением. Такое положение вещей наблюдается, например, при выделении двух лексико-семантических групп, в состав которых входят упомянутые выше английские глаголы, имеющие одно и то же управление ($V_{tr} + for + C$). Одну из таких групп составляют однопереходные глаголы со значением ожидания или надежды (*hope*, *look₁*, *wait*, *watch*), которые сочетаются с лексемами-дополнениями, обозначающими абстрактные понятия, явления природы: *to hope for success*, *to hope for fine weather*, *to look for favour*, *to look for rain*, *to wait for a reply*, *to wait for a chance*, *to watch for a favourable opportunity* и т. п.

В другую лексико-семантическую группу входят однопереходные глаголы со значением поиска, добывания чего-л. (*angle*, *dap*, *dig*, *dive*, *fish*, *fumble*, *look₂*, *mine*, *pickeer*, *prospect*, *sweep* и т. п., сочетаемость которых уже несколько иная, т. к. лексема-дополнения при них обычно обозначают конкретные неодушевленные предметы, вещества: *to angle for trout*, *to dap for the fish*, *to dig for gold*, *to dive for pearls*, *to fish for a fish*, *to fumble for a knob*, *to look for a book*, *to mine for coal*, *to pickeer for uranium*, *to prospect for gold*, *to sweep for mines*, и т. п.

Однако глаголам этой второй группы свойственно употребляться и в переносном значении, и тогда они сочетаются с лексемами, обозначающими абстрактные понятия, иногда — лица: *to angle for honour*, *to angle for promotion*, *to angle for smb.*, *to fish for information*, *to fish for compliments*

и т. п. Нельзя не отметить и того обстоятельства, что у части глаголов, относящихся к той же лексико-семантической группе (*feel, grope, hunt, nose, search, seek, quest*), обнаруживается способность к управлению не только посредством предлога *for*, но и *after* (вариативное предложное управление $V_{tr} + for/after + C$). Следовательно, различие между указанными группами однопереходных глаголов заключается не только в их лексической семантике и сочетаемости, но отчасти также и в их управлении.

Аналогичным образом, учитывая общность лексической семантики и сходство сочетаемости на базе беспредложного управления ($V_{tr} + C$), можно выделить лексико-семантическую группу, в состав которой входят глаголы, обозначающие чувство в его направленности на кого-л., что-л. (*abhor, abominate, admire, adore, appreciate, apprehend, credit, detest, disdain, disfavour, dislike, disregard, disrelish, disrespect, distaste, dread, esteem, execrate, fancy, fear, hate, like, loath, love* и т. п.), для которых характерна довольно широкая сочетаемость с лексемами-дополнениями, обозначающими одушевленные предметы и абстрактные понятия, а также неодушевленные конкретные предметы: *to adore a woman, to hate a person, to detest cats, to pity smb.'s failure, to respect feelings* и т. п.

Подобная сочетаемость, в которой проявляется специфика лексической семантики глаголов данной группы, отличает их от многих других лексико-семантических групп однопереходных глаголов, обладающих тем же беспредложным управлением. В русском языке этой группе английских глаголов соответствуют однопереходные глаголы, управляющие винительным падежом ($V_{tr} + C_n$) и образующие значительно меньшую по составу лексико-семантическую группу (*любить, ненавидеть, почитать, презирать, уважать* и др.). Отсюда следует, что сопоставление переходных глаголов на материале разных языков, в частности английского и русского, должно производиться с учетом принадлежности их к лексико-семантическим группам, т. е. с учетом их системных отношений в каждом языке. Одним из важнейших критериев, позволяющих выделить такие группы, служит сочетаемость, которая устанавливается с опорой на соответствующее управление.

Системные отношения переходных глаголов включают в себя и их отношения с лексико-семантическими группами переходных лексем иных частей речи, в особенности с переходными субстантивными лексемами, которые также определяются по их способности к управлению (в английском языке — только посредством предлогов). Так, указанные группы однопереходных глаголов со значением чувства в английском и русском языках коррелируют с однокорневыми существительными, близкими к ним по лексической семантике и сочетаемости с лексемами-дополнениями. Эти однопереходные существительные в английском языке управляют посредством предлога *for*, а также *of*, в русском — с помощью предлога *к* при наличии дательного падежа, ср.: *admiration for beauty, adoration for a woman, hatred for a person, dislike for a boy, respect for smb.'s feelings* и т. п.; *любовь к родине, ненависть к врагу, почтение к старшим, презрение к предателям* и т. п.

Установление таких системных отношений между группами однопереходных лексем разных частей речи дает возможность исследователю проводить эксперименты, в частности трансформации субстантивизации, с тем чтобы подчеркнуть единство выделяемой лексико-семантической группы однопереходных глаголов, например: *to admire beauty* → *admiration for beauty, to adore a woman* → *adoration for a woman* и т. п.; *любить*

родину → *любовь к родине, ненавидеть врага* → *ненависть к врагу* и т. д. Подобные трансформации субстантивизации часто являются эффективным экспериментальным средством, которое используется наряду с методом моделирования для того, чтобы отграничить глаголы данной лексико-семантической группы от других глаголов, которые в смысловом отношении могут быть близки к ним, но входят в другие лексико-семантические группы.

Говоря об однопереходных глаголах в связи с вопросом о сочетаемости лексем, нельзя не упомянуть и глаголов, которые обладают двойным управлением и, следовательно, характеризуются сочетаемостью по отношению к двум дополнениям (C^1, C^2). Двухпереходными являются, например, английские глаголы *exchange* «менять, обменивать» и *solicit* «настоятельно просить», которым свойственно двойное беспредложное и предложное управление $V_{tr} + C^1 + for + C^2$. Однако они относятся к двум разным лексико-семантическим группам соответственно их лексической семантике и сочетаемости с лексемами-дополнениями. Это, с одной стороны, — глаголы со значением *мены чего-л. на что-л.* (*barter, change, exchange, substitute, swap, trade*). с другой — глаголы со значением *просьбы к кому-л. о чем-л.* (*ask, beg, beseech, importune, pester, petition, sue*).

Первые обычно сочетаются с существительными, обозначающими — в качестве того и другого дополнений (C^1, C^2) — конкретные неодушевленные предметы или вещества: *to barter wheat for machinery, to change one thing for another thing, to exchange farm products for manufactured goods, to substitute one document for another, to substitute tea for coffee, to swap one's wrist watch for the radio, to trade knives for skins*. Сочетаемость же глаголов второй группы на основе указанного управления сводится к тому, что первое дополнение обычно обозначает лица, второе — неодушевленные предметы или абстрактные понятия: *to ask smb. for a favour, to beg smb. for food, to beseech smb. for money, to importune smb. for a loan, to pester smb. for mercy* и т. п. Для глаголов второй группы характерна также сочетаемость с инфинитивом, который употребляется вместо второго дополнения с предлогом *for*: *to beg smb. to give permission, to beseech smb. to do sth., to importune one's husband to give more money, to petition Parliament to redress grievances* и т. п.

Приведенные примеры достаточно показательны, чтобы заключить, что сочетаемость переходных глаголов с лексемами-дополнениями является важным фактором, без учета которого нельзя исследовать системные отношения этих глаголов, а именно установить их принадлежность к определенным лексико-семантическим группам и соотносительность последних с лексико-семантическими группами переходных лексем иных частей речи, в особенности с группами переходных субстантивных лексем, которые близки к ним по лексической семантике и сочетаемости. Такое исследование переходных глаголов, а также существительных проводится с опорой на лексические конструкции — глагольные или субстантивные словосочетания (или фразы), состоящие из лексем. Специфика глагольных лексических конструкций проявляется, в частности, в том, что личные формы глагола в их построении не участвуют. Личная форма глагола требует указания подлежащего, при котором она играет роль сказуемого, а это возможно лишь в предложениях, включающих в себя синтаксические единицы, каковыми и являются подлежащее и сказуемое.

Лексические конструкции образуют и непереходные глаголы, существенным признаком которых также является их сочетаемость с другими лексемами, хотя управлением они не обладают. И часто в таких глаголь-

ных конструкциях достаточно полно раскрывается лексическая семантика непереходных глаголов. например: *to fly round a farm, to gallop across the field, to glide through the water, to prowl along a coast, to ramble over the country, to run about the streets, to travel round the world, to walk along the road* и т. п. По сочетаемости непереходных глаголов с существительными определенных семантических разрядов можно судить о том, что они, как и переходные глаголы, образуют лексико-семантические группы [7, с. 401—402].

Однако характерную для непереходных глаголов сочетаемость нередко можно определить только в предложениях, когда принимается во внимание и лексема в позиции подлежащего. Это особенно ясно показывает сопоставление коррелятивных пар однопереходных и непереходных глаголов в английском языке, таких как *boil₁* «кипятить» — *boil₂* «кипеть», *burn₁* «жечь, сжигать» — *burn₂* «гореть, пылать, сгорать», *open₁* «открывать» — *open₂* «открываться», *resume₁* «возобновлять, продолжать» — *resume₂* «возобновляться, продолжаться», *sell₁* «продавать» — *sell₂* «продаваться»⁶. Так, если при рассмотрении первых членов таких пар (однопереходных глаголов) можно было бы ограничиться примерами глагольных словосочетаний (*to boil water, to burn a paper, to open a door, to resume a conference, to sell a book*), то, касаясь непереходных глаголов в этих парах, часто соответствующих русским возвратным глаголам на -ся, неизбежно пришлось бы обратиться к предложениям, т. к. характерная для них сочетаемость с существительными раскрывается на основе предикативной связи, образующей структурную основу предложения: *The water boiled. The paper burnt. The door opened. The conference resumed. The book sells well.*

Впрочем, изучение сочетаемости и некоторых переходных глаголов требует обращения к предложениям, где полнее раскрывается их лексическая семантика. В частности, это касается однопереходных глаголов в английском языке, коррелирующих по своему значению и сочетаемости с омонимичными им двупереходными глаголами. Например, однопереходный глагол *rest₁* «основываться на чем-л.» обнаруживает сочетаемость с теми же существительными, что и его коррелят — двупереходный глагол *rest₂* «основывать что-л. на чем-л.» Однако эти существительные в первом случае употребляются в позиции подлежащего, во втором — в зависимой позиции при глаголе, ср.: *His argument rested on trivialities — He rested his argument on trivialities* и т. п.

Итак, сочетаемость глаголов с другими лексемами устанавливается как в лексических конструкциях — глагольных словосочетаниях (фразах), так и в синтаксических конструкциях — предложениях, для которых глаголы с их сочетательными потенциями служат строительным материалом. Что же касается валентности глаголов, то она определяется только в предложениях — по отношению к синтаксемам, т. е. элементарным синтаксическим единицам, обладающим синтаксической семантикой, которые употребляются при глаголах, особенно в их личных формах⁶.

⁶ Члены подобных пар в грамматиках английского языка часто рассматриваются в связи с так называемым «средним залогом» как представляющие один и тот же глагол [8, с. 119—120]. Принятая здесь трактовка их как омонимов основывается прежде всего на признании того факта, что только первый член пары обладает управленем, т. е. является переходным глаголом, и как таковой сочетается с лексемой-дополнением.

⁶ Термин «синтаксема» в лингвистических работах используется по-разному. Здесь под синтаксемой понимается синтаксическая единица-инвариант, представленная в языке системой вариантов, которые могут быть выражены как отдельными лексемами, так и синтаксически неделимыми сочетаниями лексем со служебными элемен-

В частности, речь может идти об объектной валентности глаголов из числа как однопереходных, так и дупереходных. Дело в том, что объектные синтаксемы используются по-разному в предложениях при переходных глаголах различных лексико-семантических групп. Так, разницу в употреблении объектных синтаксем в речи можно обнаружить при упомянутых выше однопереходных глаголах английского языка: с одной стороны, со значением ожидания или надежды (*hope, look₁, wait, watch*), с другой — со значением поиска, добытия чего-л. (*angle, dap, dig, dive, fish, fumble, look₂, mine, picker* и т. п.), а также при упомянутых дупереходных глаголах со значением мены чего-л. на что-л. (*barter, change, exchange* и т. п.) и просьбы к кому-л. о чем-л. (*ask, beg, beseech, importune, pester, petition* и т. п.). Не всегда в том или ином контексте можно ожидать употребления объектной синтаксемы, выраженной существительным с предлогом *for* при указанных однопереходных глаголах, как в следующих случаях: *I hadn't bargained for so much trouble; I hoped for better things; They were always pickering for occasions of finding fault.*

Сказанное относится и к употреблению объектных синтаксем при переходных глаголах различных лексико-семантических групп русского и других языков. Сопоставляя объектную валентность соответствующих групп одно- или дупереходных глаголов в английском и русском или других языках, можно вскрыть некоторые специфические особенности этих языков, касающиеся взаимодействия единиц лексического и синтаксического уровней языка.

Равным образом речь может идти о косвенно-объектной валентности глаголов (в основном из числа дупереходных), поскольку в отношении употребительности косвенно-объектных синтаксем при них переходные глаголы также неоднородны. Можно даже, видимо, утверждать, что при дупереходных глаголах косвенно-объектная синтаксема отсутствует чаще, чем объектная, хотя некоторые лексико-семантические группы дупереходных глаголов как в английском, так и в русском языке с трудом допускают отсутствие при них такой синтаксемы. В частности, различные в употреблении косвенно-объектных синтаксем можно обнаружить и при упомянутых выше дупереходных глаголах: с одной стороны, со значением мены чего-л. на что-л., с другой — со значением просьбы к кому-л. о чем-л. Примерами же использования косвенно-объектных синтаксем, выраженных сочетаниями существительного или местоимения с предлогом *for* при дупереходных глаголах, могут служить следующие предложения (включающие в себя и объектную синтаксему): *He petitioned the House of Lords for a bill; He is always pestering me for something.*

При изучении объектных, а также косвенно-объектных синтаксем, выделяемых с опорой на синтаксические связи в предложениях, нужно учитывать некоторые их специфические особенности. Во-первых, средствами выражения указанных синтаксем служат как отдельные лексемы, так и синтаксически неделимые предложные сочетания, которые обуславливают собой наличие многообразных вариантов объектной синтаксемы. Например, при рассмотренных выше английских однопереходных глаголах, в частности предлогами. Содержание синтаксемы составляет синтаксическая семантика, или, точнее, дифференциальные синтаксико-семантические признаки, которые находят свое проявление в дистрибутивных особенностях синтаксемы (ее сочетаемости с другими синтаксемами, местоположении и позиционных возможностях), а также в специфической для нее системе вариантов [7, с. 404]. См. также ниже о вариантах объектных, косвенно-объектных и других синтаксем.

лах со значением ожидания, надежды или поиска, добывания чего-л. объектная синтаксема выражена сочетанием существительного (или субстантива — S) с предлогом *for* (*for S*), которое является лишь одним из возможных вариантов данной синтаксемы. При переходных глаголах других лексико-семантических групп та же объектная синтаксема имеет варианты, выраженные сочетаниями существительного с иными предлогами (*at S, by S, from S, of S, on S* и т. п.) или существительным без предлога, как при однопредельных глаголах со значением чувства (*abhorre, abominate, admire, hate, like, love* и т. п.). Такого рода варианты, различающиеся в зависимости от их непосредственного лексического окружения, являются лексико-комбинаторными вариантами синтаксемы. Подобная вариантность особенно характерна для объектных и косвенно-объектных синтаксем, хотя лексико-комбинаторные варианты имеются и у других синтаксем. Во-вторых, объектные синтаксемы в английском языке, выраженные существительными или местоимениями без предлога или с предлогом, употребляются как в зависимой позиции (причем не только при глаголе, но и при существительном и прилагательном), так и в позиции подлежащего. Этим объектные синтаксемы также существенно отличаются от многих других синтаксем, варианты которых представлены существительными в сочетании с предлогами или без них. Например, в следующих двух предложениях одна и та же объектная синтаксема употреблена в зависимой позиции (вариант *for S*) и в позиции подлежащего (разрывный вариант *S...for*): *We may hope for rain; Rain may be hoped for.*

Аналогично этому используются и другие варианты объектной синтаксемы, выраженные существительными с предлогами (*at S — S...at, by S — S...by, from S — S...from* и т. п.), хотя нельзя не отметить, что употребление объектной синтаксемы в позиции подлежащего связано с большими ограничениями, чем в зависимой позиции при глаголе. Здесь мы уже имеем дело с позиционными вариантами объектной синтаксемы, которые очень характерны для английского языка.

В русском языке объектным синтаксемам также свойственно иметь позиционные и лексико-комбинаторные варианты. Однако в нем позиционные варианты объектных синтаксем выражены лишь формами винительного (без предлога) и именительного падежей существительных и местоимений, как например, в следующих двух предложениях, где объектная синтаксема представлена винительным падежом существительного в зависимой позиции при глаголе (вариант S_a) и именительным падежом в позиции подлежащего (вариант S_b): *Мы пригласили соседей; Соседи были приглашены нами.* Употребление одной и той же объектной синтаксемы в разных синтаксических позициях дает возможность исследователю проводить эксперименты-трансформации пассивизации или депассивизации при изучении объектных синтаксем как в русском (*Мы пригласили соседей* → *Соседи были приглашены нами*), так и в английском языке (*We may hope for rain* → *Rain may be hoped for*). Заметим также в этой связи, что сопоставительное изучение позиционных и иных вариантов объектных синтаксем в английском и русском языках позволяет вскрыть существенные различия между этими языками.

В-третьих, объектные, а также косвенно-объектные синтаксемы, средствами выражения которых служат существительные без предлога или в сочетании с предлогом, ставят исследователя перед необходимостью определить лексическую наполняемость их различных вариантов. И в этом отношении указанные синтаксемы существенно отличаются от дру-

гих синтаксисом, выраженных существительными с предлогами или без них. Специфика объектных и косвенно-объектных синтаксисом заключается в том, что лексическая наполняемость их различных позиционных и лексикокомбинаторных вариантов сводится к тем лексемам-дополнениям, сочетаемость с которыми учитывается при выделении лексико-семантических групп переходных глаголов. В этом проявляется особенно типичный характер взаимодействия объектных и косвенно-объектных синтаксисом с одно- и двупереходными глаголами, образующими лексико-семантические группы на основе соответствующего управления. Поэтому, между прочим, и п е р е х о д н о с т ь можно определить как способность глаголов управлять лексемами-дополнениями и иметь при себе в предложениях объектную или косвенно-объектную синтаксисом. Это значит, что переходность является л е к с и к о - с и н т а к с и ч е с к и м свойством глаголов.

Вернемся, однако, к понятию валентности как синтаксического свойства глаголов, которое раскрывается в предложениях по отношению к элементарным синтаксическим единицам, обладающим синтаксической семантикой. Такими единицами могут быть не только объектные и косвенно-объектные, но и многие другие синтаксисом, выраженные существительными с предлогами или без них, а также различными иными средствами. Однако в отличие от объектных и косвенно-объектных синтаксисом все другие синтаксисом употребляются обычно как при переходных, так и при непереходных глаголах ⁷.

Это касается, в частности, каузальных синтаксисом, имеющих различные варианты, которые употребляются при одних глаголах в большей степени, при других — в меньшей степени или вовсе не употребляются. Так, каузальная синтаксисом, выраженная сочетанием существительного с предлогом *for* в английском языке (вариант *for S*), а в русском — сочетанием существительного в винительном падеже с предлогом *за* (вариант *за S₂*), часто обнаруживается при различных однопереходных глаголах: со значением осуждения или порицания (*blame, censure, chide, condemn, defame, denounce, indict, rate, rebuke, reproach, reprove, reprimand, revile, upbraid*; бранить, журишь, корить, осуждать, отчитывать, поносить, порицать, порочить, разносить и др.), со значением наказания кого-л. (*arrest, fine, punish*) или похвалы (*commend, praise* и т. п.), а также при упомянутых выше однопереходных глаголах со значением чувства (*admire, adore, dislike, hate* и т. п.). Сочетания существительного с предлогом *for*, представляющие ту или иную каузальную синтаксисом, употребляются и при непереходных глаголах (*suffer, tremble* и т. п.), а также при многих прилагательных (*angry, glad, mild* и т. п.) и существительных,

⁷ Ср., например, локативную синтаксисом при переходном (точнее, однопереходном *look* «искать», управляющем посредством предлога *for*) и непереходном глаголах в следующих двух предложениях, где она выражена сочетанием существительного с предлогом *in*: 1) *He looked for his friend in London*; 2) *James lives in London*. В теории валентностей подобные примеры привлекают внимание исследователей в связи с разграничением дополнений (*complements*) и адьюнктов, из которых первые определяются с учетом их тесной связи с глаголом. На этом основании Г. Сомерс, который приводит эти два предложения, считает *in London* во втором предложении дополнением (как обязательный элемент предложения), противопоставляя его адьюнкту в первом (1, с. 508). В сущности, однако, мы имеем дело в том и другом предложениях с одной и той же синтаксической единицей, обладающей локативной семантикой. Об этом свидетельствуют и эксперименты с заменой предложного сочетания *in London* наречием *there* (адвербиальным вариантом локативной синтаксисом), ср.: 1) *He looked for his friend there*; 2) *James lives there*.

например: *He trembled for his wife and children; He suffered for his faults. He was angry with himself for his weakness.*

Изучая возможности употребления каузальных синтаксисом при упоминутых переходных и непереходных глаголах, а также при существительных и прилагательных, мы определяем каузальную валентность всех таких лексем, относящихся к той или иной лексико-семантической группе. При этом обращает на себя внимание тот факт, что указанные глагольные лексемы, а также лексемы иных частей речи обычно сопровождаются определенным вариантом каузальной синтаксисы. выраженным сочетанием существительного с предлогом *for* (*for* S).

Однако средствами выражения каузальных синтаксисом в английском, как и в русском языке, служат различные предложные сочетания, в частности с предлогом *because of*, который является наиболее ярким и к тому же очень распространенным показателем каузальной семантики. Поэтому, чтобы подчеркнуть наличие именно синтаксико-семантического признака каузальности у сочетания существительного с предлогом *for*, можно прибегнуть к экспериментам с заменой такого сочетания сочетанием того же существительного с предлогом *because of*: *He was angry with himself for his weakness* → *He was angry with himself because of his weakness*. Той же цели иногда может служить и замена указанного предложного варианта каузальной синтаксисы придаточным предложением с союзом *because*: *He was angry with himself because he was weak*.

Подобное же употребление сочетания существительного с предлогом наблюдается при однопереходных глаголах со значением просматривания, прочесывания чего-л. (*comb, consult, hunt, rake, rummage, scan, scour, search*), например: *The police have combed the city for a murderer. They scoured the country for the lost child*. Однако предложное сочетание здесь является средством выражения финальной (целевой) синтаксисы, и соответствующие глаголы характеризуются *финальной валентностью*. Эксперименты с заменой предложного сочетания (*for* S) инфинитивной конструкцией, в которой инфинитив также представляет финальную синтаксисы (точнее, процессуальную финальную, в отличие от рассматриваемой субстанциальной финальной синтаксисы), позволяют подчеркнуть наличие синтаксико-семантического признака финальности: *The police have combed the city for the murderer* → *The police have combed the city to find the murderer. They scoured the country for the lost child* → *They scoured the country to find the lost child*.

Своеобразная валентность обнаруживается у многочисленных переходных глаголов со значением «хватать, схватить» или «держать» (*capture, catch, clutch, get, grab, grasp, grip, have, hold, pin, seize, take, wrap*), «приводить, тащить, тянуть» (*bring, drag, pluck, twitch*), «поднимать» (*lift, pick up, raise*) и др. При этих глаголах употребляются объектная синтаксисы, выраженная существительными или местоимениями без предлога, и синтаксисы, представленная сочетанием существительного с предлогом *by*, как, например, в следующих предложениях: *His mother clutched him by the shoulder. I can't drag her back by the hair. I got him by the front of his shirt. She grasped me firmly by the arm*. Сочетания существительного с предлогом *by* в подобных предложениях представляют одну из медиативных синтаксисом (синтаксисом средства), которая характеризуется, видимо, и семантикой способа. Следовательно, указанные глаголы имеют как объектную, так и медиативную валентность.

Значительный интерес в аспекте валентности глаголов представляют сочетания предлога *in* и существительного абстрактного значения при

непереходных глаголах в таких случаях, как: ...*a currency that has diminished in value. The stocks lowered in value.* К числу непереходных глаголов, которые допускают употребление подобных предложных сочетаний, относятся глаголы со значением изменения, которые обычно соответствуют русским возвратным глаголам на *-ся*: *diminish* «уменьшаться, убавляться, сокращаться», *lower* «снижаться, уменьшаться», *increase* «увеличиваться», *reduce* «уменьшаться» и др. Ср. также в словосочетаниях: *to diminish in bulk, to increase in number, to increase in quality, to increase in size, to reduce in weight* и т. п. Определить синтаксическую семантику предложно-именных сочетаний в случаях этого рода несколько затруднительно вследствие того, что в лингвистической литературе нет достаточно ясного закрепленного за ними термина (в отличие, например, от рассмотренных выше предложных сочетаний — каузальных, или причинных, финальных, или целевых, и др.). Нужно при этом, видимо, учесть, что в иных синтаксических условиях для передачи той же синтаксической семантики используются и такие образования предложного характера (включающие в себя существительное или основу латинского происхождения *respect*)⁸, как *in respect of (in respect of quality, in respect of time), in respect to, with respect to* «в отношении (чего-л.)», что касается, *respecting* «относительно, касательно». Учитывая это, указанные выше сочетания с предлогом *in* можно определить как средства выражения респективной синтаксемы, а соответствующие глаголы — как непереходные глаголы с респективной валентностью.

Из сказанного явствует, что изучение валентностей глаголов самым непосредственным образом связано с дифференциацией переходных и непереходных, а также однопереходных и двухпереходных глаголов. Особую значимость имеет объектная валентность, определяя которую мы относим глаголы в предложениях к числу переходных. Однако объектная валентность свойственна как однопереходным, так и двухпереходным глаголам, при которых, кроме объектной синтаксемы, употребляется и косвенно-объектная синтаксема. Отграничение же последней от иных синтаксем, которые могут быть выражены теми же средствами, в частности сочетанием существительного с предлогом, не всегда представляет простую задачу. Выше были затронуты в основном как раз случаи такого рода, когда могут возникнуть затруднения в решении вопроса, имеем ли мы дело в предложениях с однопереходными или двухпереходными глаголами, при которых, кроме объектной синтаксемы, наличествует еще косвенно-объектная синтаксема. Если мы констатируем, что сочетание существительного с предлогом *for* или *by*, например при глаголах *comb* (*The police have combed the city for the murderer*) и *clutch* (*His mother clutched him by the shoulder*), наделено синтаксической семантикой финальности (цели) или медиативности (средства), то, очевидно, считать эти глаголы двухпереходными нет оснований.

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее. Сочетаемость и валентность глаголов взаимно дополняют друг друга, хотя первая определяется по отношению к лексемам, т. е. единицам того же уровня языка, имеющим лексическую семантику, вторая же — по отношению к синтаксемам, наделенным синтаксической семантикой, которые являются единицами синтаксического уровня. Изучая сочетаемость глагольных лексем, лингвист может поставить перед собой задачу выделить ту или иную

⁸ Ср. лат. *respectu alicujus rei* (Т. Livius) «с точки зрения (в отношении) чего-л.» 191.

лексико-семантическую группу, члены которой отличаются от других глаголов по их лексической семантике и сочетаемости с другими лексемами. Исследуя же валентность глаголов, лингвист может установить, каким именно лексико-семантическим группам глаголов такая-то валентность более свойственна (например, каузальная, финальная или медиативная, как в приведенных выше примерах) и каким она менее свойственна или вовсе не свойственна. Поэтому показательной для лексической семантики глаголов может быть не только их сочетаемость, но и валентность, в которой отражаются факты взаимодействия лексических и синтаксических единиц, т. е. лексем и синтаксисом.

Соответственно и словари, иллюстрируя значения глаголов, часто приводят примеры предложений или глагольных словосочетаний, по которым можно судить, какая именно валентность наиболее характерна для данной группы глаголов, переходных или непереходных. Так, указанная выше группа однопереходных глаголов английского языка со значением осуждения или порицания (*blame, chide, condemn, denounce, rate* и т. п.) часто сопровождается в словарях такими примерами их употребления, из которых явствует, что они имеют сильную каузальную валентность (при них часто употребляются каузальные синтаксемы, выраженные сочетаниями предлога *for* с существительным, местоимением или герундием), ср.: *He cannot be blamed for it; She blamed herself for having committed an error; to chide a pupil for being lazy; to condemn a person for his conduct; to denounce smb. for theft; to rate smb. for doing sth.* и т. д. [10]. Аналогично этому в словарях получает отражение и валентность, характерная для непереходных глаголов, какой может быть, в частности, упомянутая каузальная или финальная, а также инструментальная, локативная, темпоральная или другая валентность (кроме объектной и косвенно-объектной, которые свойственны только переходным глаголам).

Изучение валентностей глаголов, а также их лексической сочетаемости, которую необходимо принимать во внимание при определении принадлежности глаголов к определенной лексико-семантической группе, не исключает, а наоборот, предполагает исследование в тех же аспектах лексем других частей речи, особенно субстантивных и адъективных. Эти лексемы в английском, русском и других языках нередко используются в позиции сказуемого (в сочетании со служебным глаголом-связкой или без него), и в таких случаях они играют в предложениях роль, подобную роли глаголов в их личных формах. Следовательно, глагол не может рассматриваться как единственный организующий центр предложения, тем более что сам по себе глагол не является синтаксической единицей. Однако организующая роль глагола для большинства предложений как в английском, так и в русском языке несомненна. Этим определяется первостепенная необходимость исследования его валентностей, которое должно проводиться в связях текстов с привлечением статистических данных.

Изучение валентностей глаголов имеет и наибольшую практическую значимость по сравнению с валентностями лексем других частей речи. Об этом свидетельствует, в частности, то преимущественное внимание, которое уделяется в лексикографической практике дистрибутивным особенностям глаголов. Однако дистрибутивные особенности лексем включают в себя, кроме валентностных характеристик, и свойственную им лексическую сочетаемость, в соответствии с которой, как это было показано выше, глагольные лексемы распределяются по лексико-семантическим группам. Отражение в словарях таких групп глаголов, а также лексем

других частей речи — задача, решение которой может вызвать появление нового типа словаря, построенного на групповой основе.

Выделение лексико-семантических групп, члены которых объединяемы общностью или сходством лексической семантики и сочетаемости с другими лексемами, необходимо и для практики преподавания языка, с которой, как известно, тесно связано одно из новых направлений лингвистики, часто именуемое «контрастивной лингвистикой» или «контрастивной грамматикой». Между тем наименее разработанным разделом контрастивной лингвистики является сопоставительный анализ лексики. Как отмечает В. Н. Ярцева, «именно в области контрастивной лексикологии крупных достижений в области теории незаметно» [11]. Заполнению этого пробела может способствовать изучение сочетаемости лексем, рассматриваемых в составе соответствующих лексико-семантических групп и с опорой — в случае переходных глаголов — на определенный тип управления (предложного, беспредложного или вариативного), которое во многом предопределяет специфику сопоставляемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Somers H. L.* On the validity of the complement-adjunct distinction in valency grammar // *Linguistics*. 1984. V. 22 № 4.
2. *Мухин А. М.* Вариативность лексем // *Лингвистические исследования*. 1985. Грамматические категории в разкосистемных языках. М., 1985. С. 168.
3. *Мухин А. М.* Синтаксический анализ и проблема уровней языка. Л., 1980. С. 10—18, 106.
4. *Мухин А. М.* Переходные глаголы, словари и грамматика // *Слово в грамматике и словаре*. М., 1984. С. 107—108.
5. *Русская грамматика*. Т. I., 1980. С. 614.
6. *Русская грамматика*. Т. II. М., 1980. С. 25.
7. *Mukhin A. M.* Lexical and syntactic semantics in historical aspect. // *Historical semantics. Historical word-formation* / Ed. by Fisiak J. Berlin — New York — Amsterdam, 1985.
8. *Pluisch B. A.* The structure of modern English. Leningrad, 1971.
9. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. 2-е изд. М., 1976. С. 875.
10. *Большой англо-русский словарь: В 2 т. / Под рук. Гальперина И. Р. М., 1972.*
11. *Ярцева В. Н.* Контрастивная грамматика. М., 1981. С. 11.